This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

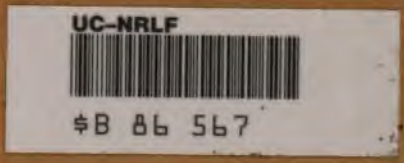
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

51
.7
G45



YC 76956

Редакціи журнала „Историческій Вѣстникъ"

LIBRARY PREP. DIV. (MENDING)

П. А. Гейсманъ.
P. A. Geisman

Nieskol'ko myslei

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

po voprosu ob otnosheniiakh strategii

ПО ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СТРАТЕГІИ

К
КЪ

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

politike

ПОЛИТИКѢ.

По поводу рѣчи В. И. Ламанскаго въ общемъ собраніи членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества 10 Ноября 1894 г.

(Отдѣльный оттискъ изъ «Русской Бесѣды»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая ул., д. 18.
1895.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1896 годъ**

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ БЕСѢДА.

(Второй годъ изданія).

Въ 1896 году «РУССКАЯ БЕСѢДА» будетъ издаваться въ томъ же духѣ и служить тѣмъ же цѣлямъ, какъ и въ 1895 году. Она останется органомъ т. наз. *славянофильскаго*, или точнѣе— **русскаго народнаго направленія.** Признавая святость церковныхъ преданій и свѣтлыхъ историческихъ завѣтовъ и желая Русскому Народу и Государству жить и развиваться въ полномъ согласіи съ ними, **русское народное направленіе**, которому служитъ «РУССКАЯ БЕСѢДА», ставитъ выше всего требованія *правды Божіей* и *христіанскую свободу духа и жизни.* По законамъ этой *правды* и *свободы* оцѣниваются и опредѣляются нами всѣ внутреннія отношенія и порядки Общества и Государства и ихъ внѣшнія отношенія и дѣла.

«РУССКАЯ БЕСѢДА» съ безплатнымъ приложеніемъ «БЛАГОВѢСТЪ» выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ 12 до 14 листовъ по слѣдующей **программѣ:**

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ; описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Въ приложеніи «БЛАГОВѢСТЪ» помѣщаются статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Подписная цѣна на «РУССКУЮ БЕСѢДУ» съ «БЛАГОВѢСТОМЪ» съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣстности Россіи и заграницу: *на годъ* **шесть** руб., *на полгода* **три** руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА по одному рублю въ мѣсяцъ, безъ надбавки. ВЫСЫЛАЕТСЯ и съ **наложеннымъ платежемъ.** Цѣна отдѣльной книжки въ розницу **1 руб.**

Подписка принимается: въ конторѣ **Редакціи** «РУССКОЙ БЕСѢДЫ»: **С.-Петербургъ,** Троицкая ул., д. 18, а также, въ С.-Петербургскомъ Слав. Обществѣ, Площадь Александринскаго театра, д. 9, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ: НОВАГО ВРЕМЕНИ, Новостей, Карбасникова и др.

Редакторъ *В. Драгомирецкій.*

DK51
.7
G45

Нѣсколько мыслей по вопросу объ отношеніяхъ стратегіи къ политикѣ.

По поводу рѣчи В. И. Ламанскаго въ общемъ собраніи членовъ Славянскаго Общества 10-го ноября 1894 года.

«Каждый важный историческій фактъ, подобно медали, имѣетъ двѣ стороны. Лицевая сторона этой медали (факта) скоро дѣлается общеизвѣстною... Оборотная сторона медали вообще мало кого интересуетъ». *Д. Масловскій.* Русская армія въ семилѣтнюю войну. Вып. III, стр. 59.

Чрезвычайное общее собраніе членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества 10 ноября было посвящено памяти преждевременно отошедшаго въ вѣчность Незабвеннаго Царя-Миротворца, Императора Александра III, горячо любившаго Россію и, по Его-же словамъ, служившаго ей и ея благоденствію, Монарха, подобнаго Которому не легко найти въ исторіи. Собраніе это представляло посильную попытку Славянскаго Общества отдать должную дань справедливости въ Бозѣ почившему Государю и разобраться, на сколько это было возможно, въ томъ безпредѣльномъ горѣ, которое, какъ сказано въ Высочайшемъ Манифестѣ 20 октября, не можетъ быть выражено словами, но которое пойметъ каждое русское сердце. Посильныя попытки подвести итоги Царствованія, только что ставшаго достояніемъ исторіи, и имѣли цѣлью съ большей или меньшей полнотою выполнить указанную задачу, окончательное рѣшеніе которой, само собою разумѣется, выпадаетъ на долю будущихъ историковъ. Но изъ сказанныхъ въ собраніи рѣчей не могутъ быть оставлены безъ возраженій нѣкоторыя положенія *В. И. Ламанскаго*, главнымъ образомъ по отношенію къ разнымъ частностямъ славянскаго вопроса.

Вопросъ этотъ относится къ области *политики*, которая должна всегда оцѣнивать сколь возможно тщательнѣе *обстановку*, т. е. всѣ окружающія обстоятельства во всей ихъ совокупности, и согласовать съ ея требованіями свою программу и всѣ свои дѣйствія.

M658463

Война есть крайнее средство въ рукахъ политики, стремящейся къ достиженію входящихъ въ ея программу государственныхъ цѣлей; къ ней политика должна обращаться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда война дѣйствительно необходима съ точки зрѣнія требованій „обстановки". Иначе говоря, политика должна рѣшать вопросъ о войнѣ съ точки зрѣнія ея *цѣлесообразности*, такъ же, какъ *стратегія* рѣшаетъ вопросъ о *боѣ*. Въ то же время рѣшеніе вопроса о войнѣ съ точки зрѣнія *планосообразности* находится въ такомъ же отношеніи къ области стратегіи, въ какомъ рѣшеніе вопроса о боѣ съ той же точки зрѣнія къ области *тактики*.

Но если отношенія политики къ стратегіи таковы-же, какъ и отношенія стратегіи къ тактикѣ, то въ дѣлѣ руководства операціями очевидно должно признать наилучшимъ объединеніе въ рукахъ одного и того-же геніальнаго дѣятеля и политики, и стратегіи, и тактики, какъ это и доказывается соотвѣтствующими періодами дѣятельности Александра Великаго, Густава-Адольфа, Петра I, Фридриха Великаго и Наполеона I; если же это невозможно, то удовлетворительнымъ рѣшеніемъ можетъ быть признано соединеніе въ рукахъ одного и того-же, возможно болѣе талантливаго лица веденіе всѣхъ собственно-военныхъ операцій (стратегіи и тактики) при условіи сохраненія должной *связи и согласія между стратегіею и политикою*, какъ это доказывается примѣромъ дѣятельности пруссаковъ въ 1866—1871 годахъ, когда король Вильгельмъ I нашелъ помощниковъ: геніальнаго въ области политики графа Бисмарка и высокоталантливаго въ области военнаго искусства (собственно въ области стратегіи) генерала Мольтке.

Хотя военная исторія представляетъ не мало примѣровъ отсутствія надлежащихъ отношеній между стратегіею и тактикою, тѣмъ не менѣе слишкомъ очевидная необходимость наличности ихъ не оспаривается никѣмъ, за исключеніемъ лишь немногихъ носителей парадоксальныхъ воззрѣній. Нельзя сказать того-же объ отношеніяхъ политики къ стратегіи, необходимость упорядоченія коихъ почти никѣмъ не сознается: военная исторія, отъ начала древнихъ вѣковъ до нашихъ дней, представляетъ почти сплошь и рядомъ одни лишь примѣры отрицательныхъ рѣшеній этого вопроса, а послѣ той или другой войны лишь немногіе, главнымъ образомъ спеціально-военные изслѣдователи, доходятъ до уразумѣнія сущности даннаго вопроса; но и они приносятъ дѣлу весьма мало пользы вслѣдствіе своей односторонности; дипломаты же и даже ученые не военные, за рѣдкими исключеніями, въ общемъ, ни до войны, ни во время ея, ни послѣ ея, не выходятъ изъ заколдованнаго круга, центръ котораго, конечно, не совпадаетъ съ центромъ тяжести вопроса

и который, мало того, даже его не касается вовсе. Причины этого явленія различны не только для каждаго изъ этихъ двухъ разрядовъ дѣятелей, взятыхъ порознь, но и для отдѣльныхъ категорій въ каждомъ разрядѣ (преимущественно во второмъ). *Дипломаты* чаще всего встрѣчаютъ и ощущаютъ непреодолимыя затрудненія и смущеніе, если только обстановка требуетъ, чтобы они покинули торный путь той или другой рутины. *Ученые не военные* большею частью относятся съ пренебреженіемъ къ военному дѣлу, котораго они не знаютъ и значенія котораго они не понимаютъ, а что всего хуже, оцѣниваютъ и значеніе самой войны не съ точки зрѣнія условій, существующихъ въ дѣйствительности на земномъ шарѣ, а съ точки зрѣнія различныхъ идеаловъ, которые если и могутъ быть достигнуты, то развѣ только въ безконечности. Казалось-бы, отъ нихъ-то скорѣе всего можно было-бы ожидать всесторонняго изученія обстановки, соотвѣтствующаго освѣщенія фактовъ и ихъ связи и соотвѣтствующихъ обобщеній и заключеній. На дѣлѣ же замѣчается изученіе обстановки не только не всестороннее, но даже нерѣдко недостаточно многостороннее, а это отражается и на освѣщеніи фактовъ и ихъ связи, и на обобщеніяхъ и заключеніяхъ.

Вслѣдствіе этого въ наукахъ, посвященныхъ изученію развитія народовъ и обществъ, все еще царитъ хаосъ, который и будетъ продолжать господствовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ сознана необходимость для науки отрѣшиться отъ различныхъ предвзятыхъ идей и отъ идеаловъ, непригодныхъ для той планеты, на которыхъ живетъ человѣчество, и обратиться къ всестороннему изученію условій, при которыхъ совершается его жизнь, не пренебрегая ничѣмъ, существующимъ въ дѣйствительности, и не закрывая глазъ предъ этою дѣйствительностью, какъ бы она ни была неприглядна.

Съ этой точки зрѣнія для всѣхъ ученыхъ, какъ военныхъ, такъ и не военныхъ, одинаково обязательны: а) уразумѣніе недостаточности принятой до настоящаго времени программы и соотвѣтственнаго объема изученія, б) надлежащее дополненіе указанныхъ программы и объема и в) открытіе и упроченіе взаимной между собой связи и должнаго единенія на пользу общаго дѣла.

Если это когда-нибудь осуществится, то продолжающійся еще съ древнихъ вѣковъ до нашего времени между представителями ученаго міра споръ о значеніи войны въ ряду другихъ явленій въ жизни народовъ и обществъ если не прекратится вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, потеряетъ вредный для дѣла острый характеръ. Тогда только всѣ ученые

не военные [1]), уразумѣютъ наконецъ, что война, есть явленіе неизбѣжное, перестанутъ смотрѣть на нее сквозь очки неумѣстной въ наукѣ фантазіи, какъ на нѣчто, происходящее какъ-бы по недоразумѣнію, и естественно не замедлятъ обратиться къ сколь возможно болѣе полному выясненію и точному опредѣленію ея значенія, а равно и отношеній политики къ стратегіи. Это будетъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если имъ пойдутъ навстрѣчу ученые военные, среди которыхъ уже теперь сознается необходимость рѣшенія той-же задачи съ обратной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія отношеній стратегіи къ политикѣ. Только тогда дружная работа всѣхъ дѣятелей науки дастъ должные результаты и приведетъ наконецъ къ тому, что уроки исторіи не будутъ пропадать даромъ для политики, которая, поддерживая всегда надлежащую связь съ стратегіею, будетъ въ состояніи рѣшать вопросъ о войнѣ съ точки зрѣнія ея цѣлесообразности, давая стратегіи задачи, отвѣчающія и силамъ и средствамъ, предоставляемымъ въ ея распоряженіе, и, само собою разумѣется, исполняя свои обязанности по отношенію къ той же стратегіи въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ въ широкомъ смыслѣ.

Только тогда станетъ для всѣхъ яснымъ, что въ политикѣ, какъ и въ стратегіи, самую существенную часть операціи составляетъ выработка *основной* ея *идеи*, правильной отправной точки для рѣшенія всѣхъ частныхъ вопросовъ. Эта основная идея операціи обнимаетъ рѣшеніе вопроса о *направленіи* ея и о выборѣ той точки, куда слѣдуетъ бить (цѣли операціи), наиболѣе важнаго, наиболѣе чувствительнаго въ расположеніи непріятеля [2]) пункта, называемаго *предметомъ дѣйствій* (but objectif, Object) или *рѣшительнымъ пунктомъ* театра военныхъ дѣйствій [3]). Такимъ образомъ самыми важными вопросами въ стратегической операціи являются *постановка цѣли* и *выборъ направленія* операціи или, иначе говоря, *выборъ операціонной линіи*. Высшая, творческая часть стратегіи заключается собственно въ правильномъ разрѣшеніи этихъ двухъ вопросовъ; остальные же вопросы имѣютъ значеніе въ смыслѣ или подготовки, или дополненія къ рѣшенію двухъ указанныхъ капитальныхъ вопросовъ, а рѣшеніе ихъ самихъ выпадаетъ уже на долю

---

[1]) Изъ невоенныхъ представителей ученаго міра не всѣ были противниками войны: ея сторонниками были или высказывали соотвѣтствующіе взгляды Гераклитъ, Спиноза, Гоббезъ, Де-Местръ, Гегель, Лассонъ, Прудонъ, Трейчке и т. д.

[2]) Въ примѣненіи къ политикѣ можно сказать: *наиболѣе чувствительнаго въ общей совокупности силъ и средствъ предполагаемаго противника, при извѣстномъ ихъ распредѣленіи.*

[3]) Въ примѣненіи къ политикѣ можно сказать: *рѣшительнымъ пунктомъ театра или сферы дѣйствій политики.*

стратегической техники, въ которую творческая работа входитъ лишь въ небольшихъ размѣрахъ [1]).

Такъ же точно и на долю *политической техники* должны быть относимы лишь соотвѣтствующіе ея силамъ вопросы, т. е. всѣ, кромѣ двухъ капитальныхъ: *постановки цѣли* и *выбора направленія* операціи (т. е. войны), сводящихся къ одному—къ *выбору операціонной линіи* въ смыслѣ политическомъ; въ правильномъ же рѣшеніи этого вопроса и заключается высшая, творческая часть политики, съ точки зрѣнія ея связи съ стратегіею.

Примѣняя къ этой главнѣйшей операціи тотъ-же масштабъ, который примѣняется къ ней стратегіею [2]), не трудно видѣть, что совокупность основныхъ условій, ложащаяся въ основу рѣшенія вопроса о выборѣ операціонной линіи (основной идеи войны по цѣли и направленію), сводится къ слѣдующимъ: операціонная линія должна: а) *вести къ достиженію важной цѣли* (рѣшающей судьбу войны); б) *быть удобнѣйшею* по отношенію ко всей обстановкѣ въ ея совокупности, наиболѣе богатою послѣдствіями, и в) *быть безопасною*. Въ этихъ трехъ основныхъ условіяхъ и заключается вся сущность вопроса, вся принципіальная сторона, весь теоретическій основной фондъ самаго главнаго вопроса политики, съ точки зрѣнія ея связи съ стратегіею.

Первое условіе—важность цѣли. Каждая война имѣетъ двѣ цѣли: политическую и военную. *Военная* цѣль войны неизмѣнна: она сводится къ истребленію и разрушенію непріятеля [3]), къ крайнему ослабленію его силы и воли съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ заставить его подчиниться извѣстнымъ требованіямъ. *Политическая* цѣль войны измѣнчива [4]), но чѣмъ ближе она подходитъ къ военной, тѣмъ обильнѣе плоды можетъ пожать политика въ случаѣ успѣха стратегіи. Это возможно въ достаточной мѣрѣ лишь въ томъ случаѣ, если *операціонная линія*, избираемая политикою, будетъ вести къ достиженію *цѣли* не только важной, говоря вообще, но безусловно важной и даже *важнѣйшей* при данной обстановкѣ, съ точки зрѣнія требованій той-же обстановки во всемъ ея объемѣ, иначе говоря, если предпринимаемая война будетъ безусловно цѣлесообразна. Иначе можетъ случиться, говоря въ духѣ извѣстнаго изрѣченія *Ллойда* [5]), что *и десять войнъ* (*успѣшныхъ*) *не послужатъ ни къ чему*.

---

[1]) *Лееръ.* Стратегія. Изданіе 5-е. Часть 1. Главныя операціи. Стр. 27.
[2]) Тамъ же, стр. 46 и т. д.
[3]) «*Niederwerfung des Feindes*», по Клаузевицу.
[4]) *Лееръ* Стратегія, ч. I, стр. 47.
[5]) *Ллойдъ*: «иначе и десять кампаній не послужать ни къ чему». См. *Лееръ* Стратегія, ч. I, стр. 46.

По отношенію къ этому вопросу политика, въ большей части случаевъ [1]), находится въ положеніи, вынуждающемъ ее дѣйствовать по *внутреннимъ* операціоннымъ линіямъ [2]). Въ области стратегіи линіи эти оказываются выгодными: а) когда армія, находящаяся въ центральномъ положеніи, отличается *подвижностью* и особенно *энергіею въ дѣйствіяхъ;* б) когда внутреннія линіи будутъ *не слишкомъ длинны* и *не слишкомъ коротки*, такъ какъ при дѣйствіяхъ по этимъ линіямъ существуетъ только относительно короткій промежутокъ времени (правильнѣе—одинъ мигъ) для *перехода* отъ *пассивнаго выжиданія* къ *безпощадно-рѣшительному наступленію;* в) когда *силы* арміи, находящейся во внутреннемъ расположеніи, *не слишкомъ велики*, такъ какъ большія массы слишкомъ тяжелы и неповоротливы, а главная выгода внутреннихъ линій основана на подвижности.

Вводя соотвѣтствующія поправки, можно признать, что дѣйствія по внутреннимъ линіямъ приведутъ къ болѣе или менѣе полнымъ результатамъ: а) когда политика будетъ отличаться въ должной степени *дѣятельнымъ* характеромъ и неистощимою, несокрушимою, а въ случаѣ необходимости даже безпощадно-рѣшительною *энергіею*, и б) когда при этомъ она будетъ обладать умѣньемъ *вѣрно оріентироваться* и правильно *оцѣнивать* самую замысловатую *обстановку* [3]), соединяя съ этимъ (въ лицѣ своего руководителя) необыкновенную *силу воли* и способность *мгновенно рѣшаться*. Что касается *силъ* (и средствъ), находящихся въ распоряженіи политики, то чѣмъ эти силы *больше*, тѣмъ ея положеніе *лучше* вообще всегда, и съ этой точки зрѣнія не только большія силы никогда не могутъ ее стѣснить, но даже наоборотъ онѣ дадутъ ей возможность проявить большую рѣшимость и настойчивость, большую энергію въ дѣйствіяхъ. Подобно тому, какъ стратегіи приходится дѣйствовать противъ нѣсколькихъ непріятельскихъ *группъ*, такъ и политикѣ приходится считаться и дѣйствовать противъ нѣсколькихъ (а иногда даже многихъ) болѣе или менѣе враждебныхъ *политическихъ силъ* (государствъ и т. п.). Для стратегіи теорія внутреннихъ операціонныхъ линій, поставивъ вопросъ, противъ которой изъ отдѣльныхъ непріятельскихъ группъ ударъ долженъ быть направленъ прежде всего, рѣшаетъ его безъ колебанія—*противъ опаснѣйшей* (по характеру противника, числительной его силѣ, положенію относительно операціонной линіи или предмета дѣйствій). Это же рѣшеніе указаннаго во-

---

[1]) Вѣрнѣе даже: *обыкновенно*.
[2]) *Леерь*. Стратегія, ч. I, стр. 317—324.
[3]) Для этого ей необходимъ *необыкновенный глазомѣръ*.

проса должно быть примѣнено (также, безъ колебанія) и къ политикѣ, конечно, съ соотвѣтствующимъ расширеніемъ элементовъ обстановки, которые должны быть принимаемы ею въ соображеніе [1]).

И такъ первое условіе, лежащееся въ основу рѣшенія вопроса о выборѣ операціонной линіи политикою, приводитъ къ необходимости выбирать изъ представляющихся ей всегда нѣсколькихъ болѣе или менѣе важныхъ цѣлей—*важнѣйшую*, при чемъ главнымъ предметомъ дѣйствій должна являться *опаснѣйшая* политическая сила, самая же война должна логически вытекать изъ сущности условій обстановки, взятой во всемъ ея объемѣ, должна быть строго цѣлесообразною.

В. И. Ламанскій въ своей рѣчи указывалъ на *нецѣлесообразность* разныхъ войнъ, веденныхъ Россіею съ 1799 до 1849 годовъ въ предѣлахъ Австріи, Италіи, Германіи и Франціи, и пришелъ къ заключенію, что въ этихъ случаяхъ политика наша исходила изъ *„мечтательности и сентиментализма“*. Не отрицая извѣстной доли истины въ этомъ заключеніи, въ то же время, мы не можемъ не замѣтить, что историкъ долженъ тщательно взвѣсить всѣ факты и условія, говорящіе не только за, но и противъ, что въ разсматриваемомъ случаѣ не даетъ себя чувствовать въ достаточной степени. Прежде всего должно замѣтить, что, не взирая на кажущуюся (въ рѣчи В. И. Ламанскаго) одинаковую нецѣлесообразность указанныхъ войнъ, едва ли всѣ онѣ были дѣйствительно не цѣлесообразны въ одинаковой степени [2]). Затѣмъ является вопросъ, могла ли наша политика, съ точки зрѣнія правильно понимаемыхъ интересовъ Россіи, относиться безучастно къ быстрому распространенію сначала сферы вліянія, а затѣмъ и владычества первой французской республики, которая начала одерживать верхъ если не надъ всею германскою имперіею, то надъ ея главною и сильнѣйшею составною частью, а также и надъ другими ея членами, и ко-

---

[1]) Какъ въ области стратегіи, такъ и въ области политики образцовыя рѣшенія подобныхъ задачъ принадлежатъ великимъ мастерамъ искусства.

[2]) Напримѣръ война 1813 года съ одной стороны и война 1849 года съ другой велись обѣ въ странахъ, соприкасавшихся съ Россіею (чего нельзя сказать о войнѣ 1799 года), а между тѣмъ и эти войны не могутъ быть поставлены наравнѣ съ данной точки зрѣнія. Можно лишь поставить вопросъ о правильности выбора предмета дѣйствій въ томъ или другомъ случаѣ. Такъ въ 1849 г., когда представлялся удобный моментъ къ лишенію Австріи возможности вредить славянамъ, предметомъ дѣйствій могла быть выбрана сама эта держава и т. п. Къ сожалѣнію, ораторъ уклонился отъ разсмотрѣнія этого вопроса, а между тѣмъ именно для него онъ долженъ былъ-бы быть особенно интереснымъ. Равнымъ образомъ и для всѣхъ его слушателей были бы въ высшей степени интересны разсмотрѣніе и особенно надлежащее разъясненіе этого-же вопроса.

торая въ короткій промежутокъ времени создала на развалинахъ разныхъ государствъ новые политическіе организмы по своему образу и подобію въ видѣ республикъ: цизальпинской, римской, пароенопейской и. т. д. Казалось-бы,—нѣтъ, ибо при такихъ условіяхъ, съ теченіемъ времени, подобная Франція могла бы одержать новые успѣхи, затѣмъ создать какія-нибудь новыя республики, напримѣръ, придунайскую, бранденбургскую, оботритскую, саксонскую, привислянскую или польскую. Наконецъ ранѣе или позднѣе, та же Франція объявила-бы войну Россіи, которой такимъ образомъ не удалось бы избѣжать войны. Точно также могла-ли наша политика относиться безучастно къ распространенію владычества первой французской имперіи, имѣвшей во главѣ величайшаго полководца всѣхъ временъ и народовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось его стремленіе къ покоренію возможно большей части земной поверхности. Правда, было время, когда могло состояться соглашеніе съ Наполеономъ, когда онъ былъ еще первымъ консуломъ; но если-бы оно и состоялось, то едва-ли было бы прочно, какъ не было прочно происшедшее послѣ 1807 года соглашеніе съ императоромъ Наполеономъ I. Могла-ли русская политика оставить въ покоѣ того-же Наполеона послѣ 1812 года и дать ему возможность собраться съ силами и возобновить войну, а если даже и не возобновлять, то постоянно ею угрожать? На это могутъ возразить, что этого нечего было опасаться, такъ какъ Европа и сама свергла бы иго Наполеона; но съ подобнымъ возраженіемъ не можетъ согласиться тотъ, кто имѣетъ сколько-нибудь удовлетворительное понятіе о весеннемъ и осеннемъ походахъ 1813 года и о кампаніи 1814 года. Наполеона слѣдовало сдѣлать безвреднымъ для Россіи— это несомнѣнно. Могла-ли наконецъ наша политика относиться безучастно и къ венгерскому возстанію противъ Австріи и Габсбурговъ? Опять таки не могла, ибо венгерскій вопросъ тѣсно переплетенъ съ различными частными вопросами, входящими въ составъ одного великаго вопроса славянскаго.

Итакъ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ *русская политика не могла оставаться въ пассивномъ положеніи*, но должна была *дѣйствовать*, имѣя лишь въ виду интересы Россіи во всей ихъ совокупности, выбирая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соотвѣтственно *важнѣйшую операціонную линію*, а главнымъ предметомъ дѣйствій *опаснѣйшую политическую силу* (и вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, соблюдая непремѣнное условіе, чтобы каждая война являлась строго цѣлесообразною съ точки зрѣнія требованій обстановки, во всемъ ея объемѣ).

Если въ томъ или другомъ случаѣ наша политика избирала не только не важнѣйшую, но просто болѣе или менѣе неважную операціонную

линію, а главнымъ предметомъ дѣйствій не наиболѣе опасную политическую силу и т. п., то это должно было быть выяснено ораторомъ. Подобныя разъясненія могли бы быть весьма полезны и поучительны, чего нельзя сказать о его положеніи, въ силу котораго всѣ указанныя войны были, будто-бы, безусловно не цѣлесообразны [1]) и которое является не столько обоснованнымъ, сколько прочувствованнымъ, иначе говоря, исходящимъ, если не вполнѣ, то все-таки въ весьма замѣтной степени, изъ того-же *„сентиментализма“*, противъ котораго возстаетъ ораторъ. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ставитъ-же онъ слѣдующій вопросъ: „И не въ *сто* [2]) ли разъ лучше бъ было, еслибъ мы всѣ эти заботы и филантропическія попеченія и хотя-бы часть громадныхъ денегъ, употребленныхъ на эти войны, положили *въ первыхъ годахъ нашего столѣтія* [3]) *на освобожденіе крестьянъ* [4]), на народное образованіе и на *улучшеніе нашихъ путей сообщенія* [5]). Прежде всего едва-ли самъ ораторъ будетъ отстаивать приведенное имъ математическое опредѣленіе отношенія между заботами и филантропическими попеченіями“ съ одной стороны и употребленіемъ денегъ „на освобожденіе крестьянъ, на народное образованіе и на улучшеніе нашихъ путей сообщенія“ съ другой, съ точки зрѣнія блага Россіи. Затѣмъ едва-ли кто либо, свободный отъ безпристрастнаго пониманія тѣхъ или другихъ событій въ исторіи нашего отечества и особенно отъ „мечтательности и сентиментализма“ [6]), признаетъ возможность проведенія въ жизнь, въ началѣ XIX вѣка, реформъ въ родѣ освобожденія крестьянъ или хотя-бы такого улучшенія путей сообщенія, которое было бы признано достаточнымъ съ точки зрѣнія оратора. Подобная сравнительная оцѣнка весьма остроумна, но не покоится на прочномъ историческомъ основаніи, а потому пока не можетъ быть принята людьми, желающими избѣжать какихъ-бы то ни было увлеченій.

То же самое заключеніе приходится распространить и даже въ гораздо большей степени и на разсужденія оратора о нашихъ „прекрасныхъ и благородныхъ порывахъ 1875—77 и нашихъ же славянскихъ увлеченіяхъ конца 70-хъ годовъ“. Прежде всего ораторъ, повидимому,

---

[1]) Ораторъ говоритъ лишь о томъ, какъ проливались слезы о разныхъ западно-европейскихъ владѣтеляхъ, терпѣвшихъ обиды отъ надменнаго корсиканца и т. п., другихъ же причинъ, вызывавшихъ эти войны, не находитъ.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Самъ ораторъ говоритъ выше: «послѣ Аустерлица, Іены и Ауэрштедта». Слѣдовательно, начиная съ 1807 года.

[4]) Курсивъ нашъ.

[5]) Это было бы выгодно и для Наполеона I въ 1812 году.

[6]) Примѣняемыхъ лишь въ направленіи прямо противоположномъ тому, противъ котораго возстаетъ ораторъ.

полагаетъ, что война 1877—78 гг. велась только „за освобожденіе Болгаріи". Интересно было бы знать, на основаніи какихъ дипломатическихъ и т. п. документовъ выведено подобное заключеніе. Если оно является результатомъ изученія лишь того, что такъ или иначе опубликовано въ Россіи и за границею, то и тогда оно не можетъ быть признано въ достаточной степени обоснованнымъ, а главное оно можетъ быть безъ особеннаго труда оспариваемо тѣмъ или другимъ лицомъ, основывающимся на тѣхъ же самыхъ данныхъ, но обладающимъ достаточнымъ безпристрастіемъ и въ достаточной же степени гарантированнымъ отъ увлеченій. Если же разсматриваемое заключеніе выведено ораторомъ внѣ рамокъ даже и предыдущаго условія, т. е. просто на основаніи результатовъ войны 1877—78 гг., то значеніе его, съ научной точки зрѣнія, еще болѣе уменьшается.

Затѣмъ ораторъ какъ-бы отдѣляетъ эту войну отъ предшествовавшихъ ей русско-турецкихъ войнъ, что совершенно непонятно, ибо едвали кто-либо будетъ отрицать извѣстную историческую связь между всѣми русско-турецкими войнами, веденными въ теченіе XVIII и XIX столѣтій.

Всестороннее выясненіе этой связи не легко и потребовало-бы особаго труда, цѣлаго изслѣдованія, исключительно ему посвященнаго. Не принимая на себя здѣсь этой задачи въ цѣломъ, мы не можемъ обойти нѣкоторыхъ составныхъ ея частей, отчасти подлежащихъ изслѣдованію того отдѣла исторической науки, въ области котораго ораторъ, по всей справедливости, признается знатокомъ. Въ своемъ почтенномъ и прекрасномъ трудѣ *„Три міра Азійско-Европейскаго материка"* (Спб. 1892 г.) *В. И. Ламанскій* предполагаетъ „хорошо извѣстнымъ и достаточно опредѣленнымъ понятіе историко-культурныхъ характеровъ: 1) *собственной* или такъ называемой западной, т. е. романо-германской или католическо-протестантской *Европы*, и 2) *собственной Азіи*, съ древними и средневѣковыми цивилизаціями ея историческихъ племенъ и народовъ неисторическихъ или полуисторическихъ" (стр. 3). Къ этимъ двумъ „разновидностямъ или главнымъ отдѣламъ" Азійско-Европейскаго материка онъ добавляетъ третій такой же отдѣлъ, который онъ называетъ *„Среднимъ міромъ"* („не настоящая Европа и не настоящая Азія") (стр. 3), границы котораго „обнимаютъ всю Русскую имперію и въ такъ называемой Азіи совершенно почти [1]) совпадаютъ съ ея политическими границами" (стр. 15—16), равно какъ и „частью въ Европѣ, на сѣверо-западѣ, политическія границы Россіи съ Швеціею и Норвегіею совершенно совпадаютъ съ этнологическими и историко-культурными грани-

[1]) Это «*почти*», пожалуй, довольно растяжимо.

цами средняго міра отъ міра собственно европейскаго". „Западныя и южныя сухопутныя границы европейской Россіи съ Пруссіею, Австріею и Румыніею, суть границы чисто политическія, искусственныя"... „За этими границами кончается правда политическое преобладаніе и господство восточнаго православія [1]), а также славянской рѣчи и народности, но вовсе не прекращается численное преобладаніе господствующей въ Россіи вѣры или славянской рѣчи и расы, часто той или другой вмѣстѣ. Съ этихъ сторонъ Россія окружена прусско и австрійско-славянскими, а также румынскими и далѣе болгарскими, сербскими, турецкими и греческими землями. Въ этихъ же земляхъ, какъ и въ Россіи, господствуютъ численно восточное христіанство и славянская рѣчь и народность или порознь, какъ въ Румыніи и Греціи, или вмѣстѣ, какъ въ Болгаріи, Сербіи, Черной Горѣ, или одна лишь славянская рѣчь и народность, какъ въ западно-славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи и Пруссіи" (стр. 17—18). „Существованіе въ прилежащихъ къ Россіи земляхъ нѣсколькихъ милліоновъ ея единоплеменниковъ и единовѣрцевъ составляетъ *источникъ ея силы и могущества* [2]) политическаго и культурнаго, какъ въ настоящемъ, такъ еще болѣе въ будущемъ"... „Политическая сила и вліяніе историческихъ національностей заключается не въ однихъ ихъ наличныхъ силахъ, но и въ той вѣрѣ и въ тѣхъ опасеніяхъ, которыя онѣ возбуждаютъ относительно своего будущаго въ своихъ близкихъ и дальнихъ сосѣдяхъ. Если бы пограничныя намъ области Пруссіи, Австро-Венгріи и Турціи имѣли совершенно однородное и вмѣстѣ чуждое намъ по вѣрѣ и расѣ населеніе, то Россія никогда бы конечно не могла играть въ европейской и всемірной политикѣ великой роли, выпавшей ей, какъ единственной сильной представительницѣ интересовъ славянства и восточнаго христіанства" (стр. 19). „Въ патріотической гордости нашей, глядя свысока на родственныя намъ народности, слабыя числомъ и зависимыя политически, мы любимъ говорить, что Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, чѣмъ она существуетъ, и напрасно при этомъ забываемъ, что славяне тѣмъ же самымъ, т. е. тѣмъ, что существуютъ, полезны Россіи [3]), что безъ нихъ она никогда не была бы тѣмъ, что она есть, что если они зачахнутъ въ борьбѣ и, наконецъ, исчезнутъ, она никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть въ случаѣ, если всѣ не-русскіе славяне сохранятъ и обезпечатъ наконецъ свою самостоятельность" (стр. 19—20).

---

[1]) Не допускаетъ-ли авторъ существованія и какого-либо иного православія?

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Сравнить съ оцѣнкой того же вопроса, изложенной въ моемъ трудѣ «Славяно-Турецкая борьба 1876—78 гг. и ея значеніе въ исторіи развитія восточнаго вопроса». Ч. I. «Сербско-Турецкая война 1876 г.», стр. 15.

„Западная граница Средняго міра, отдѣляющая его отъ собственной Европы, есть сухопутная русская норвежско-шведская граница, Ботническій и Финскій заливы, далѣе ломанная пограничная линія, проходящая по прусскимъ и австрійскимъ землямъ, между Балтійскимъ и Адріатическимъ моремъ. Она... упирается на сѣверѣ около Данцига въ море Балтійское, а на югѣ около Тріеста въ море Адріатическое. Затѣмъ западную границу Средняго міра составляетъ Адріатическое и Іонійское море"... „Указанная граница совпадаетъ частью съ природными и частью съ политическими границами" (стр. 24). „Всѣ западно-европейскія страны, которыя съ трехъ сторонъ омываются Балтійскимъ, Нѣмецкимъ морями, Атлантическимъ океаномъ, Средиземнымъ и Адріатическимъ морями, а четвертою стороною, между Данцигомъ и Тріестомъ, непосредственно соединены съ великимъ восточнымъ материкомъ, составляютъ собственно одинъ полуостровъ". „По аналогіи названій... онъ могъ бы называться по народностямъ, на немъ живущимъ, Нѣмецко-Романскимъ, или, по главному своему горному хребту, Альпійскимъ" (стр. 27). „Два полуострова, Скандинавскій и Нѣмецко-Романскій, или Альпійскій, съ прилежащими къ нимъ большими и малыми островами на сѣверѣ и югѣ, при всемъ своемъ разнообразіи представляютъ довольно однородное цѣлое, какъ бы особый міръ, существенно отличный отъ міра собственно азіатскаго и такъ названнаго міра Средняго. Этотъ особый міръ, по всей справедливости, можетъ носить одно общее названіе западной или вѣрнѣе собственной Европы или наконецъ Романо-Германскаго міра, Стараго Свѣта" (стр. 28).

Далѣе мы уже не можемъ слѣдовать за авторомъ, выясняющимъ несоединимость Европы въ одну политическую національность и подъ однимъ государственнымъ знаменемъ" (стр. 31), разгадка коей заключается „въ расчлененности Европы на шесть почти равномѣрныхъ и самостоятельныхъ другъ отъ друга частей и въ господствующемъ въ ея населеніи дуализмѣ" (стр. 32), не можемъ слѣдовать по той причинѣ, что это удалило-бы насъ отъ сущности дѣла. Въ виду этого соображенія мы должны оставить въ сторонѣ даже и ту выдающуюся міровую роль, которая, по мнѣнію В. И. Ламанскаго, будетъ принадлежать современемъ англосаксонской національности [1]), ибо если это и послѣдуетъ, то въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, тогда какъ съ нашей точки зрѣнія первенствующее значеніе (по отношенію къ будущему болѣе близкому) принадлежитъ отношеніямъ такъ названнаго

[1]) По мнѣнію В. И. Ламанскаго, она такъ выростетъ, что центръ романо-германскаго міра перенесется изъ Европы въ другія части свѣта, особенно въ Америку и Австралію съ Полинезіею.

„*Средняго міра*“ или вѣрнѣе міра *греко-славянскаго* [1]) къ сосѣдней части „собственной Европы“, т. е. къ міру *германскому* [2]). При этомъ считаемъ необходимымъ оговориться, что устанавливаемая В. И. Ламанскимъ граница между среднимъ и романо-германскимъ мірами, по линіи отъ Данцига до Тріеста, не представляется, на нашъ взглядъ, ни вполнѣ естественною, ни даже желательною границею между мірами греко-славянскимъ и германскимъ, такъ какъ съ одной стороны должно стараться предохранить отъ захвата и поглощенія германцами земли чешскія и южнославянскія, лежащія къ западу отъ этой границы, а съ другой стороны лежащія къ востоку отъ этой же границы польскія земли лѣваго берега Вислы (кромѣ переправъ) и лѣваго берега Сана (западная или польская часть Галиціи) не отличаются такою степенью привлекательности, чтобы изъ-за нихъ стоило вести борьбу до послѣдней крайности. Если и суждено греко-славянскому міру отдать германцамъ какую-либо изъ своихъ частей, то тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ не должно жертвовать *чехами* или какими бы то ни было *юго-западными славянами*, обитающими къ западу отъ границы В. И. Ламанскаго. Въ стратегическомъ отношеніи для насъ важно обладать русскою, восточною частью Галиціи, Восточною Пруссіею и частью Западной Пруссіи до Вислы (съ Данцигомъ) включительно; въ пріобрѣтеніи же польской, западной части Галиціи (съ Краковомъ) и даже въ сохраненіи губерній лѣваго берега Вислы (за исключеніемъ переправъ), не ощущается слишкомъ уже настоятельной необходимости [3]).

Въ виду приведенныхъ соображеній могли бы представиться желательными тѣ или другія отступленія отъ западной границы средняго міра, проектируемой В. И. Ламанскимъ, которыя привели бы къ установленію въ дѣйствительности западной же границы міра греко-славянскаго, согласованной съ требованіями всей совокупности его интересовъ, опредѣляемыхъ опять-таки съ точки зрѣнія дѣйствительности, внѣ какихъ бы то ни было, хотя бы самыхъ увлекательныхъ теорій и иллюзій. Но, какое бы направленіе ни получила эта граница, во всякомъ случаѣ греко-славянскому міру пришлось бы отстаивать ее грудью противъ наступа-

---

[1]) Оба они другъ съ другомъ не вполнѣ совпадаютъ, при чемъ первый обширнѣе второго.

[2]) Опять таки не ко всему этому міру, а къ наиболѣе близкой и наиболѣе опасной его части.

[3]) Съ обще-славянской точки зрѣнія, конечно, желательно предохранить отъ поглощенія нѣмцами и всѣхъ западныхъ славянъ. Это должно измѣнить отчасти и вышеприведенныя заключенія, относящіяся къ полякамъ; но пока роль, которую они играютъ въ обще-славянской семьѣ, не завидна, а потому должно соблюдать, по отношенію къ нимъ, достаточную осторожность.

тельныхъ стремленій міра германскаго. Отрицать эти стремленія или хотя бы не придавать имъ важнаго значенія могутъ лишь тѣ русскіе люди, кои умышленно закрываютъ глаза и не хотятъ видѣть того, что представляютъ имъ какъ вся исторія германскаго и славянскаго міровъ, такъ и современныя ихъ отношенія. Въ то же время къ обратнымъ выводамъ приходятъ тѣ изъ числа русскихъ же изслѣдователей даннаго вопроса, которые оцѣниваютъ силу и опасность германскаго элемента во всемъ ихъ объемѣ. Съ точки зрѣнія послѣднихъ опасность эта настолько велика, что въ настоящее время для міра греко-славянскаго, въ лицѣ его представителя, Россіи, *наиболѣе важною* оказывается операціонная линія, ведущая къ *жизненному центру ближайшей и опаснѣйшей части міра германскаго*, каковой, въ свою очередь, является для насъ *наиболѣе важнымъ предметомъ дѣйствій* въ смыслѣ политическомъ. Это заключеніе отнюдь не должно быть понимаемо въ смыслѣ необходимости безотлагательнаго распространенія его же и на стратегію, ибо сущность дѣла сводится лишь къ безусловно очевидной необходимости быть всегда готовымъ къ отраженію нападенія возможнаго противника и своевременно парализовать невыгодныя для насъ его начинанія.

Изъ остальныхъ операціонныхъ линій, представляющихся политикѣ Россіи, важнѣйшею является линія, ведущая къ проливамъ: Константинопольскому (Босфорскому) и Дарданельскому [1]). По этой линіи и дѣйствовала названная политика болѣе или менѣе рѣшительно (т. е. прибѣгая къ крайнему своему средству—войнѣ) въ вышеупомянутыя русско-турецкія войны XVIII и XIX столѣтій. Эта линія была бы важнѣе даже и предыдущей, если бы не существовало указанной опасности, угрожающей греко-славянскому міру вообще и Россіи въ частности со стороны міра германскаго, ибо эта опасность и вынуждаетъ Россію стремиться къ тому, чтобы сдѣлать германскій міръ безвреднымъ для себя. Въ переживаемый нами историческій моментъ міръ этотъ представляется *почти вполнѣ нѣмецкою* Германіею и *на половину нѣмецко-мадьярскою, на половину славянскою* Австро-Венгріею, при чемъ послѣдняя играетъ какъ бы роль авангарда первой или передового ея піонера въ дѣлѣ германизаціи и вообще денаціонализированія славянъ. Такимъ образомъ эта главная западная операціонная линія можетъ расчлениться на двѣ; которой же изъ нихъ нужно будетъ отдать предпочтеніе въ томъ

---

[1]) Линіи *юговосточная* и даже *восточная* могутъ пріобрѣсти первостепенное значеніе (въ ущербъ *южной* и даже *западной* линіямъ) лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ (говоря сравнительно).

или другомъ случаѣ въ будущемъ, придется рѣшить самой политикѣ, въ зависимости отъ требованій обстановки, во всемъ ея объемѣ, при чемъ, во всякомъ случаѣ, задача ея будетъ не легка. Въ прошломъ же она была легче, ибо та же политика могла имѣть дѣло только съ одною Австріею, игравшею такую же роль, какую теперь играютъ обѣ „нѣмецкія“ имперіи. Роль эта проявляется и проявлялась вообще въ выше указанной опасности, угрожающей намъ по *западной* линіи, а въ частности въ противодѣйствіи какимъ бы то ни было выгоднымъ для Россіи и для славянскаго міра ея предпріятіямъ и начинаніямъ по *южной* линіи, ведущей къ названнымъ проливамъ. Иначе говоря, послѣдней линіи угрожаетъ и угрожала наибольшая опасность со стороны германскаго міра, т. е. въ настоящее время со стороны Австро-Венгріи, поддерживаемой Германіею, а въ прошломъ со стороны одной только Австріи [1]), т. е. линія эта (ведущая къ проливамъ) не удовлетворяетъ теперь и не удовлетворяла прежде условію *безопасности* (третьему изъ числа вышеуказанныхъ основныхъ условій).

Итакъ эта линія, въ соотвѣтствующіе историческіе моменты, не была ни *важнѣйшею*, ни *безопасною*, и этого вполнѣ достаточно для того, чтобы признать, что упомянутыя русско-турецкія войны, явившіяся слѣдствіемъ выбора этой линіи, были большею частью не цѣлесообразны, вслѣдствіе чего и не замедлила оправдаться справедливость вышеприведеннаго и видоизмѣненнаго изреченія *Ллойда*, что при подобныхъ условіяхъ даже „и десять войнъ не послужатъ ни къ чему“... Для того, чтобы явилась возможность вести цѣлесообразную войну по линіи, ведущей къ проливамъ, т. е. чтобы эта линія сдѣлалась важнѣйшею, должно сдѣлать ее и безопасною, а для этого, въ свою очередь, необходимо лишить первостепеннаго значенія первую линію, западную, ведущую къ жизненному центру германскаго міра, т. е. лишить этотъ міръ угрожающаго по отношенію къ намъ характера. Это было необходимо и ранѣе и даже иногда сознавалось выдающимися русскими людьми, какъ напримѣръ фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, которому приписываютъ извѣстныя слова: „путь въ Константинополь долженъ быть избранъ черезъ Вѣну“ [2]).

Почему же однако политика не хотѣла усвоить себѣ это положеніе? Почему она упорствовала въ многократно повторявшемся выборѣ

---

[1]) Объ отношеніяхъ къ этому вопросу Англіи и другихъ державъ см. мой трудъ «*Славяно-Турецкая борьба 1876 — 78 гг. и ея значеніе въ исторіи развитія восточнаго вопроса* Ч. I и Ч. II. Кн. I-я.

[2]) Въ настоящее время нужно уже сказать иначе: «путь въ Константинополь долженъ быть избранъ черезъ Вѣну, а можетъ быть и черезъ Берлинъ».

линіи, ведущей къ проливамъ, т. е. той линіи, которая не должна была быть избираема? Если бы былъ правъ В. И. Ламанскій, то пришлось бы отвѣтить на эти вопросы его словами: потому что она исходила изъ „мечтательности и сентиментализма". Но подобный отвѣтъ былъ бы неудовлетворителенъ, ибо, по отношенію собственно къ политикѣ, мечтательность и сентиментализмъ играли роль второстепенную [1]); объясняется же дѣло тѣмъ, что эта линія была или казалась *удобнѣйшею*. Это нисколько не измѣняетъ характера и даже не уменьшаетъ силы заключенія о нецѣлесообразности большей части русско-турецкихъ войнъ, но все-таки доказываетъ неосновательность обвиненія политики въ томъ, что она исходила только „изъ мечтательности и сентиментализма". Правда, въ этомъ отношеніи она не одинаково безгрѣшна въ различные историческіе моменты, начиная съ прутскаго похода Петра I и кончая русско-турецкою войною 1877—78 гг., но и это различіе не выяснено ораторомъ, подобно тому, какъ не выяснены имъ ни относительное значеніе западной и южной операціонныхъ линій, ни даже отношеніе Австріи къ такъ называемому восточному вопросу.

Почему г. Ламанскій уклонился отъ разъясненія столь важныхъ данныхъ, намъ въ точности неизвѣстно. Опредѣленіе причины этого уклоненія затрудняется противорѣчіями, встрѣчающимися въ положеніяхъ, изложенныхъ ораторомъ съ одной стороны въ разсматриваемой рѣчи, а съ другой въ разныхъ его трудахъ до вышеупомянутаго (посвященнаго „тремъ мірамъ азійско-европейскаго материка") включительно. Такъ напримѣръ, еще два года тому назадъ, онъ признавалъ, что „славяне (а слѣдовательно и болгары) полезны Россіи, что безъ нихъ она никогда не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть, что если они зачахнутъ въ борьбѣ и, наконецъ, исчезнутъ, она никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть въ случаѣ, если всѣ не-русскіе славяне сохранятъ и обезпечатъ наконецъ свою самостоятельность" (см. выше). Теперь онъ подаетъ *благой совѣтъ*" не только „*прекратить разъ навсегда всѣ толки о какомъ-то примиреніи*", что относится исключительно къ сферѣ „политической техники", вслѣдствіе чего можетъ быть обсуждаемо съ достаточнымъ успѣхомъ лишь тѣми лицами, кои стоятъ непосредственно у дѣла и вполнѣ съ нимъ знакомы, но и „предоставить Австро-Венгріи продолжать хозяйничать, благо ей и болгарамъ это нравится, въ этомъ (т.-е. въ болгарскомъ) княжествѣ", что уже отчасти выходитъ изъ упо-

---

[1]) По отношенію же къ значительной части русскаго общества (съ нѣкоторыми представителями науки во главѣ) дѣйствительно «мечтательность и сентиментализмъ» играли роль главную.

мянутой тѣсной сферы и можетъ быть обсуждаемо съ научной точки зрѣнія. Прежде всего ораторъ долженъ устранить это очевидное противорѣчіе, для чего, не ограничиваясь своею прогулкою въ антиславянскую Каноссу 10-го ноября, отречься и отъ соотвѣтствующихъ положеній, изложенныхъ имъ въ прежнее время и особенно въ трудѣ *„Три міра азійско-европейскаго материка“*. Затѣмъ является еще сомнѣніе въ достовѣрности полученныхъ ораторомъ свѣдѣній о томъ, что будто бы болгарамъ нравится господство въ ихъ землѣ австро-венгерскаго вліянія. Вѣрнѣе допустить, что это явленіе не нравится громадному большинству болгаръ и что оно есть слѣдствіе разныхъ другихъ причинъ, которыя чуть ли не всѣ должны были бы быть извѣстны оратору, уклонившемуся, однако, отъ ихъ изслѣдованія [1]). Во всякомъ случаѣ ораторъ не привелъ никакихъ доказательствъ, которыя исключали бы возможность указаннаго сомнѣнія.

Противорѣчіе встрѣчается даже въ пояснительной выноскѣ, добавленной ораторомъ при печатаніи его рѣчи въ № 6720 *„Новаго Времени“*, слѣдующаго содержанія: „Изъ сдѣланныхъ мнѣ послѣ чтенія замѣчаній нѣкоторыми болгарами, я заключилъ, что роль Виртемберга, Баваріи и пр. представляется имъ слишкомъ унизительною для ихъ княжества. Имъ нужно, очевидно, царство Симеона и Асиней, но его получить также легко и удобно, какъ возстановленіе царства Душана, королевства (?) коронъ (?) Звонимира, св. Вячеслава и державы Ягеллоновъ отъ моря до моря“. Не прослушавъ возраженій упомянутыхъ лицъ, мы не можемъ судить о степени основательности или неосновательности ихъ взглядовъ; но насъ удивляетъ сопоставленіе (хотя бы и съ цѣлью поясненія) ораторомъ такихъ фактовъ, какъ возстановленіе царства Душана, королевства Звонимира и т. п. съ одной стороны и возстановленіе державы Ягеллоновъ съ другой. Допустимъ, что на нашихъ глазахъ совершалось бы объединеніе всѣхъ сербскихъ или хорватскихъ земель, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ взятыхъ и т. п. Такъ какъ это совершалось бы не насчетъ Россіи и такъ какъ интересы ея при этомъ не понесли бы ни малѣйшаго ущерба, то можно надѣяться, что даже и самъ ораторъ не посовѣтовалъ бы Россіи „идти и спасать Габсбурговъ“. Если же началъ бы назрѣвать вопросъ о возстановленіи не только „державы Ягеллоновъ“ въ полномъ объемѣ, но хотя бы независимаго польскаго государства въ меньшихъ размѣрахъ, то можно опять-таки надѣяться, что тотъ же ораторъ призналъ бы необходимымъ, съ точки

---

[1]) Съ нашей точки зрѣнія, въ данномъ случаѣ, нѣтъ надобности въ изслѣдованіи и изложеніи этихъ причинъ, что къ тому же увеличило бы объемъ статьи.

зрѣнія интересовъ Россіи и всего славянскаго міра, препятствовать этому всѣми нашими силами, а если бы онъ этого не призналъ, то его точка зрѣнія не могла бы считаться ни русскою, ни славянскою.

По всему вѣроятію, читатель, знакомый съ выше упомянутымъ трудомъ и съ послѣднею рѣчью В. И. Ламанскаго, признаетъ приведенные нами доводы достаточными для того, чтобы объяснить, какъ его *„покаяніе“*, такъ и указанныя *противорѣчія*, а равно и *несправедливыя нападенія* на нѣкоторыхъ славянъ, ничѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ въ немъ тѣхъ самыхъ „мечтательности и сентиментализма“, въ которыхъ онъ такъ краснорѣчиво (и отчасти основательно) обвинилъ нашу политику, упуская въ то же время изъ виду, что передъ нимъ теперь раскрыта вся картина исторіи, тогда какъ названная политика находилась въ этомъ отношеніи въ гораздо худшихъ условіяхъ, а слѣдовательно прилагать къ ней, во всей строгости, масштабъ, соотвѣтствующій современному историческому моменту, не годится.

По этому поводу нельзя не вспомнить словъ *Клаузевица* (хотя и относящихся къ области военнаго дѣла, но могущихъ быть примѣненными и къ данному случаю): „Не трудно, имѣя планы и разборы событій *передъ собою*, а самыя событія *за собою*, отыскать болѣе дѣйствительныя причины неудачъ и отмѣтить, послѣ подобнаго ознакомленія съ развитіемъ фактовъ, тѣ, которыя привели къ ошибкѣ. Не таковымъ представляется дѣло въ минуту дѣйствія. Дѣйствіе на войнѣ походитъ на движеніе въ сопротивляющейся средѣ, и уже недюжинныя способности требуются, чтобы достигнуть хоть черты посредственнаго; потому и критика въ военномъ дѣлѣ существуетъ только для того, чтобы познать *истину*, а не для того, чтобы произносить *приговоръ*“ [1]).

Ораторъ не „отыскалъ всѣхъ болѣе дѣйствительныхъ причинъ“ разсмотрѣнныхъ имъ фактовъ и отношеній, не „ознакомился вполнѣ подробно съ развитіемъ фактовъ“, не „отмѣтилъ всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя привели къ ошибкѣ“, короче говоря, не „позналъ *истины*“ во всемъ ея объемѣ, а между тѣмъ „произнесъ *приговоръ*“ и построилъ на немъ не только profession de foi для себя лично, но и готовую программу для всѣхъ русскихъ людей и для всей Россіи.

Въ виду вышесказаннаго мы признаемъ возможнымъ вывести слѣдующія заключенія:

А) Разсужденія оратора ни мало не касаются данныхъ, имѣющихъ въ разсматриваемомъ случаѣ первостепенное значеніе: отношенія герман-

---

[1]) *Клаузевицъ*. Посмертныя сочиненія, Bd. VIII S 80. *Лееръ*. «Сложныя операціи», стр. 83.

скаго міра къ міру славянскому, отношенія Австро-Венгріи къ славянскому вопросу и т. д. Вообще его разсужденія касаются тѣхъ или другихъ политическихъ вопросовъ лишь отчасти, а иногда даже вскользь и не касаются вовсе отношеній политики къ стратегіи, безъ чего изслѣдованіе не можетъ не быть одностороннимъ.

Б) Заключенія оратора, относящіяся къ славянскому вопросу, говоря вообще, ни мало не обоснованы, а съ точки зрѣнія отношеній стратегіи къ политикѣ, лишены значенія.

В) Если ораторъ понималъ невозможность введенія достаточной многосторонности въ предпринимаемое имъ изслѣдованіе и недостатокъ обоснованности излагаемыхъ имъ выводовъ, то объ этомъ онъ долженъ былъ бы сдѣлать соотвѣтствующія оговорки, чего онъ не сдѣлалъ.

Г) Весьма возможно, что разногласіе между нами и глубокоуважаемымъ ораторомъ вовсе не такъ велико, какимъ оно можетъ представиться на первый взглядъ; мало того, по всему вѣроятію, онъ отнесется отрицательно къ усмотрѣннымъ нами противорѣчіямъ между положеніями, изложенными имъ въ вышеупомянутыхъ его трудѣ и рѣчи. Во всякомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, разъясненіе обоихъ этихъ вопросовъ получится само собою, если только ораторъ не замедлитъ изложить всѣ свои положенія вполнѣ систематически и съ достаточною обстоятельностью, чего пока онъ еще не сдѣлалъ. Тогда, быть можетъ, мы сами сочтемъ долгомъ взять назадъ тѣ или другія изъ числа нашихъ заключеній (выведенныхъ пока на основаніи лишь того, что высказано ораторомъ до настоящаго времени) и сдѣлаемъ это съ столь же нескрываемымъ удовольствіемъ, съ сколь искреннимъ сожалѣніемъ выступаемъ теперь противъ лица, пользующагося выдающеюся извѣстностью и глубокимъ уваженіемъ въ ученомъ мірѣ и въ обществѣ.

П. А. Гейсманъ.

25-го Ноября 1894 года.
С.-Петербургъ.

АВТИКВА
КНИЖ
ТОРГОВ
ВКЛОЧ
СПЕ
Литера

ИЗДАНІЯ

Полковника П. А. Гейсмана.

Славяно-Турецкая борьба 1876—77—78 гг. и ея значеніе въ исторіи развитія восточнаго вопроса. Мысли, воспоминанія и впечатлѣнія участника войнъ 1876—1877—78 гг.

Часть I. *Сербско-Турецкая война 1876 г.* Съ 3 картами. Спб. 1887 г. Цѣна **1** р. **50** к.

Часть II. *Русско-Турецкая война 1877—78 гг.* Книжка I. Съ 4 картами и 1 планомъ. Спб. 1889 г. Цѣна **1** р. **50** к.

Памятная книжка французскаго офицера въ Германіи. Переведена въ извлеченіи съ французскаго, исправлена и дополнена. Съ чертежами. Спб. 1892 г. Цѣна **1** р.

Параллель между вторженіемъ пруссаковъ въ Богемію въ 1757 г. и въ 1866 г. Причины неуспѣховъ австрійцевъ на Богемскомъ театрѣ войны въ 1866 г. Изслѣдованіе, написанное по предложенію Конференціи Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Съ 4 картами и 1 планомъ. Спб. 1892 г. Цѣна **2** р.

Германская желѣзнодорожная сѣть съ точки зрѣнія стратегическаго развертыванія арміи (*сосредоточенія ея къ базѣ*). Съ картою и таблицею. Спб. 1892 г. Цѣна **40** к.

Цѣны безъ пересылки. Съ требованіями на означенныя книги обращаться въ складъ *В. А. Березовскаго* (С.-Петербургъ, Колокольная, № 14).

28/46

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ИЗДАНІЕ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

Отъ Берлина и Вѣны къ Петербургу и Москвѣ и обратно. Отвѣтъ воинствующимъ тевтонамъ-руссофобамъ (съ картою). Изданіе 2-е исправленное и дополненное. Спб. 1893 г. Цѣна безъ пересылки **1** р. **25** к., а съ пересылкой **1** р. **50** к.

Съ требованіями обращаться въ вышеозначенный складъ.

ИЗДАНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Оборона Севастополя. По поводу сочиненія *П. Алабина:* Четыре войны. Походныя записки въ 1849, 1853, 1854—56 и 1877—78 годахъ. Часть III. Защита Севастополя. Спб. 1893 г. Цѣна **30** к.

Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка.

Часть I. *Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка.* Съ атласомъ. Спб, 1893 г. Цѣна **1** р. **50** к.

Часть II. *Исторія военнаго искусства, въ новые вѣка до вѣка Людовика XIV и Петра В. включительно.* Книжка 1-я. Военное искусство въ Западной Европѣ. Съ чертежами, планами и картами. Спб. 1894 г. Цѣна **1** р. **50** к.

Проектъ реорганизаціи польской арміи 1789 года Карла фонъ Грисгейма. Спб. 1894. Цѣна **40** к.

Опытъ изслѣдованія тактики массовыхъ армій. Съ 23 чертежами. Спб. 1894 г. Цѣна **3** р. **50** к.

Цѣны безъ пересылки. Съ требованіями на означенныя книги обращаться въ складъ *В. А. Березовскаго* (С.-Петербургъ, Колокольная, № 14) и въ разные книжные магазины въ С.-Петербургѣ.

Дозв. ценз. Спб., 18 ноября 1895 г. Печатня Е. Евдокимова, Троицк. ул., 18.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

19 Nov'52 ED

NOV 5 1952 LW

INTER-LIBRARY
LOAN
MAY 13 1964

LD 21-100m-11,'49(B7146s16)476

GAYLAMOUNT
PAMPHLET BINDER
Manufactured by
GAYLORD BROS. Inc.
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

YC 76

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C051138398